

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

莫思可/ O.B.МОСКОВСКИЙ

文化大學俄國語文學系副教授

Associate professor, Department of Russian Language and Literature,
Chinese Culture University

【摘要】

本文研究杜斯妥也夫斯基對萊蒙托夫的個人與創作，所持有否定認知的思想與心理因素，分析杜斯妥也夫斯基與思想對手進行的辯論方法，同時指出他對萊蒙托夫的批評並無事實依據與邏輯論證。文中亦揭示杜斯妥也夫斯基在形塑神話傳說：「萊蒙托夫—邪惡之人」過程中所扮演之角色。

【關鍵詞】

讀者接受、文學批評、文學聲譽、詮釋、神話

【Abstract】

In the article the ideological and psychological reasons of Dostoyevsky's negative perception of Lermontov's personality and creativity are considered. The carried-out analysis of methods of conducting polemic of Dostoyevsky with the ideological opponent points to the actual and logical groundlessness of criticism of the poet. The role of the writer in myth formation about Lermontov as about the reference evil is also shown.

【Keywords】

reader's reception, literary criticism, literary reputation, interpretation, myth

Исследовательская проблема, связанная с рецепцией личности и творчества М.Ю.Лермонтова Ф.М.Достоевским, имеет два аспекта. Первый открывает связь между литературными классиками, определяемую как преемственность. Считается, что «из лермонтовского демонизма, богоборчества вышел Достоевский – христианский бунт Ив. Карамазова» (Мережковский Д.С., 2002: с.378) и что «Самоанализ Печорина – предтеча «подпольной» психологии героев Достоевского» (Лермонтовская энциклопедия, 1999: с.143). Называя Ф.М.Достоевского основоположником и классиком интеллектуального романа, не забывают, что «начало интеллектуальной прозы можно видеть и у его предшественников. В России – в прозе Лермонтова» (Журавлева А.И., 2002: с.230).

Прямые упоминания о поэте и его герое Печорине, скрытые цитаты и парафразы лермонтовских строк, обнаруженные в текстах Достоевского, свидетельствуют о том, что Лермонтов постоянно находился в творческом сознании великого писателя на протяжении всей его жизни.

Еще более, чем Достоевскому-писателю, Лермонтов был нужен Достоевскому-литературному критику. Это и есть второй аспект указанной исследовательской проблемы, хотя и не обойденный вниманием в научной литературе, но, на мой взгляд, еще далеко не изученный.

Трудно представить другую пару русских литературных классиков, в которых противоречия личностного, мировоззренческого и творческого характера были бы столь велики. Лермонтова, например, невозможно заключить в рамки западничества или славянофильства. Он не учил и не проповедовал в читательской среде. Достоевский – явный славянофил и яростный, бескомпромиссный и фанатичный проповедник. Лермонтов не считал литературу лекарством от излечения социальных болезней, а Достоевский именно на этом и настаивал. Наконец, в Лермонтове сильно индивидуальное начало, а в Достоевском – общественное.

Однако закон притяжения разно заряженных частиц действует не только в физическом пространстве, но и в тонких материях человеческого сознания и психики. Лермонтов необходим Достоевскому-критику как ненавистный ему

двойник, живущий в его сознании, потому что, как он каждый раз показывает своими полемическими статьями, нет утверждения своего без отрицания чужого, а самооправдания без обвинения другого. Психологи называют это механизмом защиты, посредством которого индивид относит к другому лицу мысли, чувства, мотивы и желания, которые им самим отвергаются на сознательном уровне.

Приведу пример. В романе «Бесы» Достоевский пишет о Ставрогине: «В злобе, разумеется, выходил прогресс ... даже против Лермонтова» (Достоевский Ф.М., 1990: с.197). Злоба Лермонтова – это злоба самого Достоевского, к моменту написания этого романа уже укоренившаяся в его сознании. Еще в 1861 году писатель вспоминал, как в его окружении воспринимался Лермонтов: «Он рассказывал нам свою жизнь, свои любовные проделки: вообще он нас как будто мистифицировал; не то говорит серьезно, не то смеется над нами. ... Мы не соглашались с ним иногда, нам становилось и тяжело, и досадно, и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала нас» (Достоевский Ф.М., 1993: с.34-35).

Судя по этим искренним признаниям Достоевского, его злоба явилась результатом развития целого комплекса негативных чувств, возникших у него от чтения лермонтовской прозы и поэзии. На устойчивость и мощный энергетический потенциал этой злобы указывает все та же строка из «Бесов», в которой Лермонтов представлен в качестве эталонного зла. По сути это так называемая оговорка по Фрейду.

Попробуем объяснить сближение Лермонтова и Ставрогина логически. Сразу же обнаруживается трудность, поскольку Достоевский сравнивает величины разнорядковые: реального человека и литературный персонаж. Логика также требует, чтобы у тезиса были доказательства. Какие достоверные факты, изобличающие Лермонтова как эталонного злодея, мог знать Достоевский? Никаких. Воспоминания современников о раздавленной маленьким барчуком мухе и зашибленной им курице, а также о романтической мести молодого поэта Е.А.Сушковой слишком несерьезны для того, чтобы на них строить доказательства злодейства поэта. Итак, сближение Лермонтова и Ставрогина, родившееся в сознании автора «Бесов», объяснить с позиций логики невозможно.

Но Достоевскому и не нужны доказательства. Наивно полагать, что он,

впрочем, как и большинство литературных критиков, строит свои суждения, заботясь об их истинности. Путь истины опасен, так как на нем сразу же обнаружится, что ранее перечисленные «злодейства» Лермонтова – лишь детские забавы по сравнению с настоящими фактами его, Достоевского, биографии. Достоверность этих фактов вне всякого сомнения, так как он сам излагает их в письмах к жене А.Г. Достоевской. Жестокосердный человек, азартный безумец, мучитель, предатель, лжец – такой неприглядный портрет, точнее – автопортрет, рисуется из семейной переписки Достоевских. Так по совести ли ему считать злодеем Лермонтова?

Дело в том, что основания обвинения Лермонтова как злодея у Достоевского не выводятся ни из логики, ни из морали. Настоящее основание – это идея смирения и всечеловеческого братства, в которую он верит и которую он страстно проповедует. Все, что не соответствует ей, объявляется злом и предается беспощадной критике. К тому же, для критика гораздо удобнее, если зло персонифицировано.

Лермонтов, создатель демонического образа Печорина, идеально подходил Достоевскому на роль злого гения. Более того, автор и его герой в сознании писателя слились воедино. Достоевский уже не хотел знать, что в предисловии к роману «Герой нашего времени» Лермонтов назвал нелепостью мысль о том, что «сочинитель нарисовал свой портрет» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.7).

Отождествлять Лермонтова и Печорина было свойственно не только Достоевскому. Первый биограф поэта П.А. Висковатый, подчеркнув «бедность понимания наших критиков и писателей почти по сей день», писал по этому поводу: «К тому же упорно утверждали, что в Печорине Лермонтов изобразил самого себя, и мало-помалу так в этом убедились, что спутали поэта с выставленным им героем. Изречения последнего выдаются за мнения самого поэта, без всякого критического анализа» (Висковатый П.А., 2004: с.326).

Приведу цитату из «Дневника писателя» за 1876 год: «Да и сам-то Печорин убил Грушницкого потому только, что был не совсем казист собой в своем мундире и на балах высшего общества, в Петербурге, мало походил на молодца в глазах дамского пола» (Достоевский Ф.М., 2010: с.266). В этой цитате нет

логики, но есть безумный бред, смешавший воедино Лермонтова и Печорина. Убил потому, что был не совсем казист. Указанная причинно-следственная связь абсурдна. К тому же, разве Печорин не совсем казист собой? Напротив, в романе дан очень привлекательный его внешний портрет.

Непонятно, кто говорит эти слова – Достоевский или его подпольный герой, раздражающий себя своей собственной фантазией? Жанр источника, из которого взята цитата, указывает на Достоевского, содержание и форма высказывания – на подпольного героя. Вероятно, авторское сознание, породив сознание литературного героя, продолжает удерживать его в себе, и иногда происходит их совмещение или замещение.

Называя Печорина «героем нашего времени», Лермонтов был далек от мысли идеализировать его. Напротив, в предисловии к роману он разъяснял читательской публике, которая «так еще молода и простодушна» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.7), что его герой – «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.8). Пороки – это болезнь. В этой ситуации Лермонтов четко определил свою позицию: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж бог знает!» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.8).

«Отчего же у человека, так умевшего открыть и описать болезнь, нет никакого желания лечить ее? - спрашивает философ Лев Шестов и дает ответ, с которым не могу не согласиться, - ... если Печорин и болезнь, то это одна из тех болезней, которые автору дороже всякого здоровья. Печорин - больной, но кто же здоровый? Штабс-капитан Максим Максимыч, Грушницкий с его приятелями или, наконец, если брать в расчет женщин, милая княжна Мери или дикарка Белла? Поставьте только такой вопрос, и вы сразу поймете, зачем написан «Герой нашего времени», а также для чего было потом сочинено предисловие» (Шестов Л., 1993: с.168).

Лермонтов не только не желает заниматься лечением, но и называет невежеством «гордую мечту сделаться исправителем людских пороков» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.8). Зная неистовость Достоевского-полемика (прошел школу Белинского), можно предположить, что лермонтовское высказывание и его спокойный тон возмутили писателя до глубины души,

потому что Достоевский не мыслит себя вне миссии исправителя людских пороков.

Достоевский свято верит в идею соборности, духовного братства всех людей, в необходимость подчинения свободы воли нравственным законам. Он требует смирения, а у Лермонтова его нет. Налицо существование «неразрешимой по существу коллизии в отношении писателя-«почвенника» к поэту-индивидуалисту» (Маркович В.М., 2002: с.20).

До того, как встать на почвеннические позиции, Достоевский испытал серьезное влияние европейских идей – политических и литературных. В зрелые годы он «втоптал в грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю веру он уже не только ненавидел – он презирал ее» (Шестов Л., 1993: с.175). Стоит ли удивляться его ненависти и презрению в отношении тех, кто не имел почвеннических взглядов.

Прокрустово ложе критического метода Достоевского устроено просто: европейское, иностранное отсекается; народное, русское приветствуется. Лермонтовский герой, купец Кирибеевич, писателю-почвеннику по душе, поскольку, «зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю "всю правду истинную"» (Достоевский Ф.М., 2010: с.684). Печорин, «больная личность русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом» (Достоевский Ф.М., 2010: с.683), изгоняется прочь.

Лермонтов – идейный враг, но за ним уже закрепилась слава гениального русского поэта, и Достоевский не мог с этим не считаться. Тем не менее, его идейная борьба против Лермонтова имела хорошие перспективы, благодаря одному обстоятельству.

В России литературные репутации великих писателей и поэтов создавались не столько их собственными художественными творениями и биографиями, сколько литературными критиками, интерпретировавшими биографический и художественный материал, исходя из своих убеждений и предубеждений. Эту работу с полным основанием можно определить как мифотворчество.

Достоевский не был исключением. На миф о злобном Лермонтове мы уже обращали внимание. Другой созданный им миф – о смилившемся поэте: «Но

если б он перестал возиться с больной личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания» (Достоевский Ф.М., 2010: с.683). Что такое эти «большие и точные указания», Достоевский, конечно, не конкретизирует, но расплывчатость своего заявления компенсирует уверенностью тона.

Принципиальное отличие Лермонтова от Достоевского заключается в том, что первый – это ищущий истину, а второй – нашедший ее. Нашедший и построивший на ее основе жесткую идеологическую конструкцию, краеугольные камни которой получили названия: христианство, народная правда, почва, соборность, смирение. Лермонтова невозможно заключить в какие-либо жесткие идейные рамки. Попытки создать цельные образы поэта-революционера, поэта-христианина, поэта-почвенника оказывались в действительности не чем иным, как спекуляциями. Поэтому Достоевский, хотя и заявляет уверенно, что Лермонтов в перспективе преклонился бы перед народной правдой, он все-таки отодвигает его как неблагонадежного, компрометирующего от Пушкина, идола идейных приверженцев почвенничества, и заслоняет его фигурой «печальника горя народного» Некрасова. Слово «идол» я использую здесь, разумеется, не в отношении биографического А.С.Пушкина, а исключительно в адрес его мифического двойника.

Пушкин Достоевского – это идеологема, необходимая ему для борьбы с идейными противниками. Поэтому он яростно противился мнению о конгениальности Пушкина и Лермонтова и преемственной связи между ними как учителя и ученика. Близость двух великих поэтов мешала формировать образ Лермонтова – байрониста, демона, средоточия зла. Но сближение этих имен все же иногда оказывалось полезным Достоевскому для принижения одного за счет возвеличивания другого.

Он отвергает устоявшийся взгляд на Онегина и Печорина как на родственные типы и заявляет, что Онегин – это «первый страдалец русской сознательной жизни», а онегинский тип – это «русское, наше, оригинальное, непохожее ни на что европейское, народное» (Достоевский Ф.М., Т. 11. 1993:

с.95, 96). «Возвышающий обман» Достоевскому дороже «тьмы низких истин», то есть пушкинского текста, в котором Онегин и не «наше русское» («Москвич в Гарольдовом плаще»), и не «оригинальное» («Уж не пародия ли он?»), и не «непохожее ни на что европейское» (в его «келье модной» – «И лорда Байрона портрет, / И столбик с куклою чугунной / Под шляпой с пасмурным челом...»), и не «страдалец» («забав и роскоши дитя», «рано чувства в нем остыли») (Пушкин А.С., 1959).

Писатель действует по принципу «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Если онегинский байронизм и его «европейство» не замечаются – все-таки Пушкин! – то Лермонтова-Печорина за те же байронизм и «европейство» Достоевский критикует беспощадно. Печорин, по его мнению, является онегинским типом, который, войдя в сознание нашего общества, переродился. «В Печорине он дошел, - пишет Достоевский, - до неутолимой, желчной злобы и до странной, в высшей степени оригинально русской противоположности двух разнородных элементов: эгоизма до самообожания и в то же время злобного самонеуважения» (Достоевский Ф.М., Т. 11. 1993: с.96).

Утверждая это, литературный критик Достоевский переходит черту, разделяющую вольную интерпретацию от произвола. Но он не боится, что его уличат во лжи, опровергнут при помощи неопровержимых доказательств, потому что подпольному сознанию не страшны ни законы логики, ни законы морали: «Дважды два четыре смотрит фертотом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещьца» (Достоевский Ф.М. 1989: с.476).

Рассмотрим характеристику Печорина, данную ему Достоевским. Выделяются две главные личностные черты лермонтовского героя: эгоизм до самообожания и злобное самонеуважение. Печоринское самообожание явно надуманное, поскольку самообожание как таковое не согласуется с самоиронией и беспечным отношением к смертельной опасности, свойственным натуре лермонтовского героя. Что касается злобного самонеуважения, то это качество исключает честь и благородство, отрицать которые в Печорине можно, лишь

когда сознание сильно увлекается игрой в «дважды два пять».

Словом «самонеуважение» Достоевский связал Печорина со своими подпольными героями, находящими большое наслаждение в переживании этого чувства. Нелепость такого сближения очевидна, но, согласимся с Л.Шестовым, нет более тяжелой борьбы, чем борьба с очевидностями. К тому же, когда они осенены столь высоким авторитетом.

Очевидно, что сверхчеловеческие устремления лермонтовского героя направлены в сферу высокого, а духовные эксперименты Ставрогина и его братьев – в сферу низменного, темного и патологического, что есть в человеческом существе. Очевидна нелепость утверждения о типологическом родстве Печорина, составленного из пороков всего поколения, и морального уродя и растлителя Ставрогина. Однако и сейчас продолжают попытки найти «ключик к разгадке Ставрогина ... через сближение его с лермонтовским Печориным» (Щенников Г.К. , 2001).

В глазах своих читателей Достоевский сократил до минимума масштаб личности Печорина, сузил его. В результате получился даже не человек, а «дрянной человек» (Достоевский Ф.М., 2010: с.266), у которого и смерть является «глупой, смешной, ненужной» (Достоевский Ф.М., Т. 11. 1993: с.96). Это еще один пример аберрации сознания Достоевского, поскольку в романе «Герой нашего времени» читателю сообщается лишь то, что «Печорин, возвращаясь из Персии, умер» (Лермонтов М.Ю., 1984: с.50). Писатель, несомненно, высказывается по поводу смерти самого Лермонтова.

Негативное отношение к Печорину объединило Достоевского с его идейными противниками – революционными демократами, поскольку общим для них оказался критерий оценки Лермонтова, его таланта и значения – польза народному делу. Почвенники и революционеры, конечно, по-разному понимали, что такое народное дело, однако в отношении идейно чуждого им литературного героя использовали единый штамп, к слову сказать, прекрасно сохранившийся в этом качестве до настоящего времени. Приведу три цитаты в подтверждение сказанного.

Н.А.Добролюбов о литературных героях, в том числе о Печорине: «страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной

деятельности» (Добролюбов Н.А., 1974). Д.И.Писарев о Печорине: «постоянная праздность, хроническое скучание и полный разгул страстей (Писарев Д.И., 1981). Достоевский о лермонтовском герое: «И всё та же жажда истины и деятельности, и всё то же вечно роковое «нечего делать»!.. От злобы и как будто на смех Печорин бросается в дикую, странную деятельность ...» (Достоевский Ф.М., Т. 11. 1993: с.96).

Как видим, во всех трех высказываниях о Печорине содержится одна мысль: нет цели – нет деятельности. Не следует ли также, что Достоевский определял любую деятельность как «дикую и странную», если она не соответствовала его собственным представлениям о служении общему делу на благо народа? Так Печорин, офицер действующей армии и философ по натуре, обрел, благодаря стараниям литературных критиков и Достоевского, в частности, репутацию бездельника – самую презираемую в эпоху активизации жизни русского общества.

Рассуждая о русской литературно-критической мысли, В.М.Маркович пришел к выводу, что она «не могла уйти в своей оценке Лермонтова от все той же «проклятой» проблемы: прогрессивна или реакционна роль его творчества в истории России и человечества» (Маркович В.М., 1997: с.172). Достоевский тоже не избежал «маниакальной привязанности» (Маркович В.М., 1997: с.172) к этой проблеме и высказался вполне определенно, беря в свидетели своих современников: «Вспомните, мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении "Героя нашего времени"» (Достоевский Ф.М., 2010: с.266). Эти слова требовали вполне определенного вывода: роман Лермонтова вреден для общества.

Известно также, что Достоевский «предполагал ввести в «Житие великого грешника» анализ отрицательного воздействия романа Лермонтова на восприимчивые чувства и юный мозг» (Лермонтовская энциклопедия, 1999: с.144). Несмотря на то, что намерение писателя не осуществилось, оно само по себе очень интересно для исследователя, поскольку должно было иметь практическую цель. Какую? У меня есть только предположение: цель, требующую определенных запретительных действий. В противном случае

«анализ отрицательного воздействия романа Лермонтова на восприимчивые чувства и юный мозг» теряет смысл.

В заключение попробуем определить место и значение Достоевского в отечественном литературно-публицистическом лермонтоведении. Он, безусловно, принадлежит к непримиримым критикам личности и творчества Лермонтова, отрицающим его великое значение для русской литературы. Достоевский – последователь С.О.Бурачка и предшественник В.С.Соловьева. Это три столпа антилермонтовского направления в литературной критике, между которыми существует преемственность – идейная и технологическая. Опыт Достоевского, например, был использован В.С.Соловьевым в его лекции-статье «Лермонтов», в которой вопреки фактам, исторической хронологии и исследовательской честности поэт был приговорен к вечной каре носить бремя неисполненного долга за то, что, обладая сверхчеловеческими качествами, не повёл других людей «вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству» (Соловьев В.С., 2002: с.347).

Несмотря на развенчание жизнью утопий Достоевского, связанных с идеями совершенствования человеческой природы и всемирного духовного братства людей, его критические публикации о Лермонтове сохраняют актуальность и в современном научном сообществе. Этому, на мой взгляд, есть две причины. Первая: общность идейных, этических и художественных проблем для литературного процесса второй половины 19-го и начала 21-го века. Вторая: склонность исследователей к традиционным штампам, особенно если за ними стоят великие имена.

Список литературы

- Висковатый П.А. (2004), Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография. – М.: Захаров.
- Добролюбов Н.А. (1974), Что такое обломовщина // Добролюбов Н.А. Избранное. – Саранск: Мордовское книжное издательство. – <http://lib.ru/LITRA/DOBROLYUBOW/oblomov.txt>.
- Достоевский Ф.М. (1989), Записки из подполья. Собр. соч. в 15 т. Т. 4. – Л.: Наука.
- Достоевский Ф.М. (1990), Бесы. Собр. соч. в 15 т. Т. 7. – Л.: Наука.
- Достоевский Ф.М. (1993), Ряд статей о русской литературе. Собр. соч. в 15 т. Т. 11. – СПб.: Наука.
- Достоевский Ф.М. (2010), Дневник писателя. – М.: Институт русской цивилизации.
- Журавлева А.И. (2002), Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. – М.: Прогресс-Традиция.
- Лермонтов М.Ю. (1984), Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 4. – М.: Худож. лит.
- Лермонтовская энциклопедия (1999), М.: Большая Российская энциклопедия.
- Маркович В.М. (1997), Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы: Статьи разных лет. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Маркович В.М. (2002), Лермонтов и его интерпретаторы // М.Ю.Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М.Маркович, Г.Е.Потапова. – СПб.: РХГИ. – С. 7-50.
- Мережковский Д.С. (2002), М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю.Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М.Маркович, Г.Е.Потапова. – СПб.: РХГИ. – С. 348-386.
- Писарев Д.И. (1981), Реалисты // Литературная критика в трех томах. Т. 2. Статьи 1864-1865 гг. – Л.: Художественная литература. – http://www.azlib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml.
- Пушкин А.С. (1959), Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – М.: Издательство художественной литературы. – http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0170.shtml.

- Соловьев В.С. (2002), Лермонтов // М.Ю.Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М.Маркович, Г.Е.Потапова. – СПб.: РХГИ. – С. 330-347.
- Шестов Л. (1993), Достоевский и Ницше // Шестов Л. Избранные сочинения. – М.: Ренессанс.
- Щенников Г.К. (2001), «Журнал Печорина» и «Исповедь» Ставрогина: анализ деструкции личности // Известия Уральского государственного университета. – 2001. - № 17. – <http://www.km.ru/referats/332498-zhurnal-pechorina-i-ispoved-stavrogina-analiz-destruktsii-lichnosti>.